
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАУЗАЛЬНОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

А.В. Шабага

Кафедра ТИМО

Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье сравниваются с точки зрения эффективности, корректности и инструментальности каузальный и функциональный подход анализа социального пространства. При этом особое внимание уделяется использованию этих методов при исследовании исторического субъекта.

Ключевые слова: причинность, функция, исторический субъект, социальное пространство.

В этой статье мы рассмотрим два наиболее часто используемые способа исследования социального пространства — каузальный и функциональный — с тем, чтобы выяснить, какой из них наиболее полно отвечает представлениям о научной корректности и эффективности. При этом наибольшее внимание мы уделим особенностям изучения исторического субъекта как основного элемента социального пространства.

Понятие функции возникло сравнительно недавно. А вот то, что пространство может быть причинно связано с субъектом (как существующим в нем, так и находящимся за его пределами), было осознано уже в глубокой древности.

Согласно этим представлениям, боги, а затем и человек могли изменять пространственную среду согласно своей воле и потому заключали в себе причину происходящих изменений.

Каузальное восприятие мира, вне зависимости от того, существует оно в действительности или нет, вело к тому, что человек не только приписывал причинно-следственные связи окружающим явлениям, но и вел себя и строил окружающий мир так, как если бы они были. Из этого следует, что при правильном использовании каузального подхода можно получить вполне удовлетворительные ответы на множество различных вопросов.

Проблема заключается «лишь» в том, чтобы доказать, что одно событие является необходимым и достаточным условием для наступления другого события. Однако в области социального знания выявить такую связь между двумя явлениями весьма непросто (в силу того, что сами явления представляют собой сложную комбинацию различных событий и состояний и, кроме того, подвержены влиянию случайных факторов) (1). Поэтому взамен каузального анализа в социальных науках подчас применяется метод *каузального объяснения*, которое может представлять собой свободное сочетание каузального и функционального подхода.

Используя этот метод, становится ясно, как ответить на вопрос «почему это оказалось необходимым» и как объяснить, «как это оказалось возможным» (2).

Например, рассуждая в парадигме каузального объяснения о природе американской идентичности, или возьмем уже — латиноамериканской, можно в качестве одной из причин указать на потребность западноевропейского социума XV века в пряностях или на достижение им такого научного уровня, который позволил изобрести новый тип кораблей (каравеллы) и специальные инструменты (астролябию, компас, а затем хронометр), позволяющие более уверенно ориентироваться в пространстве.

Отметим также, что, ведя поиск каузальных связей, мы не должны упускать из виду, что оппозиция причины и следствия всегда представляет собой некоторую условность. *Во-первых*, потому, что никто не в состоянии постичь бесконечную многомерность связей, существующую даже между двумя явлениями (ибо социальный феномен никогда не бывает атомарно прост). Конечно, обладая полной всезнания, описывать развитие событий через причинно-следственные отношения было бы нелепо, поскольку пространственно-временная многомерность, в которой все увязано со всем, лишила бы нас возможности выразить наши представления в категории причинности, стремящейся к известной определенности и последовательности. Поэтому, раз нам не дано знать все и сразу, мы используем только те сведения, которые в настоящий момент доступны нашему восприятию, надеясь при этом, что для того, чтобы знать что-то, необязательно знать все (3). *Во-вторых*, мы привносим причинно-следственные отношения в описание не всего воспринимаемого нами мира, а только в ту его часть, которая нас интересует в наибольшей степени. Ибо, вычлняя главное из бесконечного многообразия объектов и связей, мы получаем возможность лучше ориентироваться и, следовательно, более эффективно действовать.

Другими словами, приписывание связей, существующих между объектами в парадигме причинно-следственных отношений, отвечает потребности человека в упорядочивании окружающего его мира. Поэтому неудивительно, что наука, как сфера человеческой деятельности, также оперирует категорией причины (4). Достаточно сказать, что если мы лишим научное знание причинно-следственных объяснений, которые, по сути, составляют его каркас, «здание» науки, возводимое с такими трудами в течение тысячелетий, неминуемо рухнет и рассыплется на громадное число явлений, фактов, событий и т.п., не имеющих между собой почти никакой связи (5).

Что касается закономерностей, охватывающих законов, функций, которыми некоторые исследователи пытались заменить причинно-следственные отношения, то это не более чем уловка, позволяющая скрыть потребность причинного объяснения за флером лингвистических изысков (6). Ибо в основе закономерностей и законов лежат отношения причины и следствия. А функция является одной из компонент причинного объяснения. Мы не касаемся понятия «правило», на котором основаны некоторые науки (например, математика и логика). Различий между правилом и причиной значительно больше, нежели между законом и причиной. Мы не будем здесь входить в детали и обсуждать то, что математика имеет дело с «идеализированными объектами», свойства которых сплошь и рядом расходят-

ся со свойствами тех объектов, которые они замещают. Мы заметим лишь, что введение правил также предопределяется потребностью в причинном объяснении. Что касается функционального анализа, то он нисколько не отменяет каузальное объяснение. В лучшем случае его применение (в силу рассмотрения под иным углом зрения) дает возможность уточнить результаты, полученные каузальным способом.

Когда мы, опираясь на каузальный метод, приходим к выводу о том, что нам известна причина некоего социального события, мы имеем в виду то, что мы знаем, *почему* оно произошло, в силу каких обстоятельств его появление оказалось необходимым. При этом мы стремимся вывести эту причину из обстоятельств, непосредственно предшествовавших наступлению рассматриваемого нами события, так как считаем некорректным увязывать проблемы идентичности некоего современного социума с особенностями локомоции и самосохранения приматов 67 млн лет назад в верхнемеловое время и уверять всех, что причинные основания рассматриваемого феномена находятся именно там. Хотя, возможно, с точки зрения представителей социобиологии это было бы и не столь уж нелепо (7). Что касается функционального подхода, то он используется для решения несколько иной задачи. Его использование направлено на выяснение, какую функцию выполняет в социальном мире тот или иной феномен (8), или, другими словами, функцией чего (какого социального института) он является.

То есть причинное объяснение относится, по преимуществу, к области традиционного социального знания (философии, истории), так как направлено на исчерпывающее объяснение средствами живой речи и опирается на социальный опыт исследователя, в то время как функциональный метод, не претендуя на предельный ответ относительно природы анализируемого явления, показывает, скорее, как, каким образом возникло некое явление и идеальным языком этого метода является математика. В этом мы видим генетическую связь функционального подхода с миром естественных наук. Если говорить коротко, то причина синтетична и никогда не может быть определена до конца (в силу того, что она «претендует» на исчерпывающий ответ о природе явления), а функция аналитична и, в известном смысле, более определена (так как обычно учитывает одну или только несколько связей). Хотя при жестком подходе к анализу функции (например, с феноменологической точки зрения) мы можем придти к заключению, что функциональные связи, подобно причинным, являют собой не более чем редукцию бытия в смысл (9).

В дискурсивном отношении понятие функции не является принадлежностью исключительно одной сферы человеческого знания и достаточно часто используется как в математике, так и целом ряде других наук, включая гуманитарные. Но, используя это понятие, следует помнить о том, что математическая функция не изоморфна биологической функции, которая, в свою очередь, не может быть изоморфна социальной функции, если таковая вообще существует. Принципиальное отличие одного вида изоморфности от другого заключается в различной степени свободы в каждой из рассматриваемых областей.

Математическая функция представляет собой жесткую связь между числовыми значениями, заданную неменяющимися и обязательными к исполнению правилами. Поэтому говорить о биологических и, в особенности, о социальных функциях, которые должны отражать взаимосвязь в мире таких явлений, где свобода в той или иной степени присутствует, можно лишь весьма условно.

Попробуем в качестве примера установить функциональную зависимость между природой и обществом, используя наблюдения Г.Т. Бокля. Этот ученый утверждал, что на общество наиболее сильное воздействие (прямое или опосредованное) оказывает природное окружение: климат, пища, почва, ландшафт (10). Доведем до предела боклевское утверждение, заявив, что общество находится в жесткой функциональной зависимости от указанных факторов и запишем это символически в виде функциональной зависимости: $f(\alpha, \beta, \gamma, \delta) \rightarrow x$.

Однако первая же проверка этого утверждения на истинность укажет нам на то, что оно не выдерживает серьезной критики. Ибо общества по-разному реагируют на среду обитания (нередко на одну и ту же), подчас произвольно меняя ее. И потому сколько обществ, столько и функциональных зависимостей от окружающей среды. А отсюда следует, что:

$$\begin{aligned} f(\alpha', \beta', \gamma', \delta') &\rightarrow x \\ f(\alpha'', \beta'', \gamma'', \delta'') &\rightarrow y \\ f(\alpha''', \beta''', \gamma''', \delta''') &\rightarrow z \text{ и т.д.} \end{aligned}$$

Выглядит все это неплохо. Беда лишь в том, что для каждой, или, выразимся осторожнее, практически для каждой выявленной таким образом функциональной зависимости можно найти пример из мира социальных явлений, где эта зависимость не находит своего проявления. Например, какова цена боклевского закона, выраженного в виде функциональной зависимости, если у разных частей одного общества разная пища (11) или, наоборот, одна и та же пища у разных обществ? (12) А как быть, если у двух или более обществ все перечисленное Боклем совпадает, но идентифицируют они себя все равно по-разному (например, австрийцы и швейцарцы или сербы и черногорцы)?

На уровне причинной связи боклевское утверждение работает, поскольку ясно (и об этом недвусмысленно писал сам автор), что в разное время сочетание различных по виду и интенсивности природных факторов (хотя и относящихся к одному и тому же типу) может привести к разным результатам, в том числе и идентификационным. Подобное происходит потому, что посредством «причины» (а Бокль был сторонником причинного объяснения) описывается конкретная, обычно уникальная ситуация. А функция претендует на универсальность применения вне зависимости от контекста. Иными словами, различие в инструментальности проистекает оттого, что «причина» контекстуальна, а «функция» формальна. Формальность функции предопределяется тем обстоятельством, что, строго говоря, она может быть либо математической, либо логической. Математическая функция (представляющая собой величину, находящуюся в непосредственной зависимости от другой или других величин) в силу своей претензии на количественную точность не годится для описания феноменов социальной жизни, которые далеко

не всегда можно измерить. Логические функции (конъюнкции, дизъюнкции, импликации и др.) могут использоваться для формального описания социальных явлений и даже составления моделей социальных феноменов (13). Но с их помощью (например, с помощью основанной на логических функциях таблице истинности) невозможно составить даже пару функционально связанных социальных феноменов, которые бы исчерпывающе (или хотя бы достаточно полно) описывали состояние исследуемых явлений и надежно предсказывали их возможные изменения.

Г. Фреге в трактате под названием «Понятийное письмо или подражающий арифметике формальный язык чистого мышления» высказал мысль о том, что замена понятия «субъект» на «аргумент», а понятия «предикат» на «функция» делает описание более прозрачным, поскольку содержание речи есть функция (в математическом смысле) от некоторого аргумента (14). Но Г. Фреге исследовал возможности и способы языковой передачи неких сообщений и, по всей видимости, никак не предполагал, что некоторые из его последователей (Б. Рассел, Э. Кассирер и др.) попытаются распространить результаты его семантических исследований на все явления социального мира (15). Поэтому, с нашей точки зрения, значения, которые в мире социального знания приписываются термину «функция», обыкновенно представляют собой наукообразное (претендующее на исчерпывающую «математическую» точность или «логическую» непротиворечивость) обозначение множества понятий, среди которых встречаются роль (16), свойство (17), атрибут (18), возможность, полезность (19), цель (20) и даже чуть ли не энтелехия (21).

В качестве примера рассмотрим использование функции в сфере социального знания на базе «основной теоремы функционального анализа». Согласно этой теореме, не только одно и то же явление может иметь многочисленные функции, но и одна и та же функция может по-разному выполняться различными явлениями (22). Ясно, что при такой заведомо расплывчатой формулировке под функцией можно понимать все что угодно, равно как и произвольно интерпретировать выявленные таким образом «функциональные связи». Примеры разнообразия замены термином «функция» других понятий можно продолжить.

Ряд исследователей, анализируя различные проявления политической системы, говорит о экстакционной, дистрибутивной и регулирующей функциях (23). А вот пример попытки истолкования функции в качестве предназначения: «теория Фрейда является новой, поскольку она является экономической теорией иллюзии; вопрос, который он ставит, это не вопрос о Боге, а вопрос о боге людей и его **экономической функции** в балансе импульсивных жертв, замещенных удовольствий и компенсаций, при помощи которых человек стремится поддерживать жизнь» (24).

Термином «функция» нередко подменяют понятие «задачи». Возьмем, например, часто встречаемые в научной литературе утверждения, что власть является функцией государства, хотя, даже не входя в детальное исследование этой проблемы, и так ясно, что социальная власть представляет собой догосударственный феномен, и, более того, без него не возникло бы ни одно государство. То есть, если уж придерживаться этой терминологии, то, скорее, государство является функцией власти (или одной из ее функций).

Но, несмотря на очевидность примата власти, в массе работ (в особенности тех, в которых рассматриваются вопросы теории государства и права), говорится о политической, социальной, культурной, правовой, организационной, экономической, безопасности, коммуникационной и т.д. функциях государства. Некоторые авторы даже полагают, что у государства есть научно-технические функции (25). Кроме того, встречается мнение, что у государства наряду с функциями есть и подфункции (26).

Нам представляется, что описание возникновения и развития такого исторического субъекта, как государство, а тем более появления у него тех или иных идентификационных характеристик намного корректнее вести в парадигме причинно-следственных связей. Если говорить коротко, то основной причиной возникновения государства является политическая или, точнее, военно-политическая причина. Или, выражая ту же мысль иначе, структурное оформление возникающего или существующего сообщества в виде новой политической системы (государства) происходит по причине внешней и/или внутренней необходимости. Именно об этом говорит весь опыт образования и развития существовавших прежде и существующих ныне государств. А что касается того, что для поддержания своего состояния и развития государство должно решать целый ряд задач, то это вовсе не означает, что они являются функциями государства, ибо большинство из них существовало до государства (27) и, возможно, будет существовать в том случае, если государство отомрет. Приведем лишь один пример. Проанализируем соотношение власти и государства, так как известно, что одной из важнейших задач государства является осуществление властных полномочий. Что тут является функцией чего? Следует ли признавать государство источником всех видов власти, которые оно производит и утверждает? Или же, наоборот, государство является производным от власти?

В данной постановке дать ответ на этот вопрос довольно затруднительно. Ибо, с одной стороны, ясно, что феномен власти намного древней, чем феномен государства. Но, с другой стороны, представлять государство как одну из функций власти, поставив вопрос таким образом, мы под личиной наукообразия выхолащиваем научный подход. Потому что следующим ходом для объяснения различных видов власти (которые в разных коллективах весьма разнообразны) нам нужно будет в каждом из случаев вводить точные значения аргумента. Но то, что является обычным делом в математике, чрезвычайно затруднительно в социальном знании.

На наш взгляд, мы существенно упростим процесс объяснения и понимания, если вместо аргументов и функций будем использовать понятия феноменов, эпифеноменов и эффектов, то есть явлений (феноменов) того, что может сопутствовать явлению (эпифеноменов) и того, что может сохраняться в качестве остаточного явления после исчезновения самого феномена (эффект). Посредством введения этих терминов мы, не выходя за пределы научного знания, можем говорить о некоторых следствиях тех или иных процессов и явлений, которые им иногда сопутствуют или остаются после них, но не являются обязательными. Таким спо-

собом мы уходим от математической категоричности в тех случаях, когда она представляется неисполнимой и потому неуместной.

Подведем итог. Одни науки — математика, логика, — использующие в силу своей умозрительности (28) аналитический язык, могут весьма легко обойтись без причинного объяснения, сведя все к правилам, функциям и корреляциям (29). Другие науки — например, физика и химия — пытаются терминологически обойти каузальное объяснение, вводя понятия силы, энергии и т.п. Биология и ряд смежных с ней наук пытаются интерпретировать исследуемые объекты с точки зрения парадигм наследственности-изменчивости или стимула-реакции. Но науки, изучающие общественные явления, поневоле должны использовать понятие причины, как бы неопределенно оно подчас не выглядело.

Необходимость использования понятия причины при анализе социальных явлений и связей такого феномена, как исторический субъект, диктуется тем обстоятельством, что исследованию подвергается сложная и постоянно развивающаяся система, изменения которой во многом предопределены ее собственными креативными способностями. В силу этого, хотя историческим субъектам, являющимся, как правило, социальными институтами, и свойственно воспроизводить свою структуру, никогда нет гарантий того, что под влиянием тех или иных обстоятельств, составляющих в совокупности причину, общество эту структуру не изменит (осознанно и подчас весьма радикально). Наиболее яркой иллюстрацией сказанному являются социальные революции.

Иначе говоря, если общество радикально и «внезапно» меняет свою идентичность, это говорит не прекращении действия закона причинности, а о том, что вместо прежнего общества мы уже имеем дело с новым обществом, порождающим новые причины и одновременно им подчиняющимся. Ибо, известно, что закон причинности не столь предупредителен, чтобы от его услуг можно было отказываться, как только в нем отпадает надобность (30).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Р. Арон называл такое соотношение событий и связей конstellляцией: «Можно говорить о конstellляции, если первое начало адекватно эволюции, если рассматриваемое событие было случайным следствием по отношению к группе атецедентов, если следствие адекватно по отношению к другому» (Арон Р. Введение в философию истории // Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. — М.; СПб., 2000. — С. 355).
- (2) Вригт Г.Х., фон. Объяснение и понимание // Вригт Г.Х., фон. Логико-философские исследования. Избр. труды. — М., 1986. — С. 70—173.
- (3) Бунге М. Причинность. — М., 1962. — С. 121.
- (4) Как писал М. Хайдеггер, «наука устанавливает действительное. Она добивается от действительного, чтобы оно всякий раз представало как результат того или иного действия, т.е. в виде обозримых последствий подведенных под него причин. Тем самым становится возможным проследивать и обозревать действительное в его причинно-следственных взаимосвязях» (Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие. — М., 1993. — С. 245).
- (5) «Причинность — это единственная связь, которая освобождает факты от их изолированности и делает из них целостности, «все», приобретающее более общий характер, чем события, из которых они состоят, и которые им... подчинены» (Хéнопол А. La Théorie de

- l'histoire. — 1908. Цит. по: *Трёлч Э.* Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. — М., 1994. — С. 590).
- (6) «Охватывающие законы», которые, по мнению Гемпеля, должны были давать «каузальное объяснения» и играть в гуманитарном знании ту же роль, что законы в естественных науках, по существу не выходят за рамки причинно-следственной связи (См. *Гемпель К.* Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории* — М., 1977. — С. 72—93). Видимо, об этом говорил Ф.Р. Анкерсмит, когда, имея в виду К. Гемпеля с его экспланансами и экспланандумами, отмечал, что «трагикомическая история модели охватывающего закона свидетельствует о неспособности логиков сказать что-нибудь полезное об историописании. Априорные исторические спекуляции, развитые в прошлом Кантом и Гегелем, например, учили историка не ожидать дельных советов от логиков» (*Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. — М., 2003. — С. 462).
- (7) См., например: *Wilson E.O.* On Human Nature. — Harvard, 2004.
- (8) Впервые введение термина «функция» в сферу социального знания обосновал Г. Спенсер. Он представлял общество в виде структуры, где функции обеспечивают связи между элементами.
- (9) *Декомб В.* Тождественное и иное // *Декомб В.* Современная французская философия. — М., 2000. — С. 77, 78.
- (10) *Бокль Г.Т.* История цивилизаций. История цивилизации в Англии. — М., 2000. — Т. 1. — С. 40.
- (11) Например, у южан и северян китайского общества.
- (12) Например, у голландцев и немцев.
- (13) *Шабига А.В.* Опыт моделирования социальных процессов: причины военных конфликтов в Галицко-Волынской Руси. — М., 2003.
- (14) *Frege G.* Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens, Halle am Saale, 1879 // *Logik-Texte: Kommentierte Auswahl zur Geschichte der modernen Logik.* — В., 1971. — S. 16—18.
- (15) Э. Кассирер, обильно цитировавший как Г. Фреге, так и Б. Рассела, утверждал, что вопрос о причинности, понимаемый, как вопрос об отношениях, должен быть закрыт (*Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. — СПб., 1990. — С. 401).
- (16) *Парсонс Т.* Система современных обществ. — М., 1998. — С. 16, 19.
- (17) *Истон Д.* Категории системного анализа политики // *Политология. Хрестоматия* (Сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин). — М., 2000. — С. 324—325.
- (18) Ср. у М.К. Мамардашвили: «оказалось возможным рассматривать сознание как функцию, атрибут социальных систем деятельности, выводя его содержание и формообразования из переплетения и дифференциации связей системы, а не из простого отображения объекта в восприятии субъекта» (*Мамардашвили М.К.* Анализ сознания в работах Маркса // *Вопросы философии.* — 1968. — № 6. — С. 16).
- (19) *Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // *Американская социологическая мысль. Тексты.* — М., 1994. — С. 435.
- (20) *Уорд Л.Ф.* Социальная статика // *Зомбарт В.* Социология. — М., 2003. — С. 95—96.
- (21) *Driesch H.* Geschichte des Vitalismus. — Leipzig, 1922. — S. 181—182.
- (22) Там же. — С. 396.
- (23) *Истон Д., Алманд Г., Гофман И. и др.* См.: *Verhoven J.C.* An interview Erving Goffman, 1980 // *Sage of Masters Social Thought. Vol. 1.* — L., 2000. — P. 218.
- (24) *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике — М., 1995. — С. 202.
- (25) *Келле В.Ж.* Функции государства в научно-технической сфере: Россия и мировой опыт // *ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 1998* — М., 1999. — С. 178—183.

- (26) См., например: *Клименко А.В., Румынина В.В.* Теория государства и права. — М., 2000. — С. 27—30.
- (27) *Саутхолл Э.* О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. — М., 2003. — С. 132.
- (28) Есть, разумеется, и иная (восходящая к Пифагору) точка зрения, согласно которой математика — «открытие», а не «изобретение» (см., например: *Пенроуз Р.* Новый ум короля. — М., 2003. — С. 87—88). Этой точки зрения одно время придерживался даже И. Кант, в одной из ранних работ которого содержится утверждение, что именно математика дает в высшей степени истинное знание о времени-пространстве (*Кант И.* О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Соч. в 6 томах. Т. 2. — М., 1964. — С. 397).
- (29) *Кондратьев Н.Л.* Основные учения о законах развития общественной жизни // Кондратьев Н.Л. Избранные сочинения. — М., 1993. — С. 84.
- (30) «Das Gesetz der Kausalität ist also nicht so gefällig, sich brauchen zu lassen, wie ein Fiaker, den man, angekommen wo man hingewollt, nach Hause schickt» (*Schopenhauer A.* Über die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde. — Hamburg, 1957. — S. 53).

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CAUSAL AND FUNCTIONAL APPROACH IN RESEARCH OF SOCIAL SPACE

A.W. Shabaga

Department of theory and history of International Relations
Faculty of humanities and social sciences
People Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

In article from the point of view of efficiency, correctnesses and instrument are compared the causal and functional approach of the analysis of social space. Moreover the special attention is given to use of these methods at research of the historical subject.

Key words: causal relationship, function, historical subject, social space.